

16+

Виктор ДЬЯКОВ

СКЛАДСКАЯ ИСТОРИЯ

ПОВЕСТЬ

Виктор Дьяков
Складская история

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Дьяков В. Е.

Складская история / В. Е. Дьяков — «ЛитРес: Самиздат», 2008

Клавдии унаследованный после смерти мужа строительный склад приносит настоящие мучения, ибо она обыкновенная русская провинциалка и не может поставить себя настоящей хозяйкой, чем пользуются рабочие-гастарбайтеры. Они её в грош не ставят и занимаются откровенным воровством. Пожилая клиентка, знающая ментальность среднеазиатов, дает Клавдии полезные советы. Более того, она убеждает её, что в сорок лет еще не поздно обрести настоящее женское счастье. Клавдия прислушивается к советам, становится успешной и даже обретает любовь.

© Дьяков В. Е., 2008

© ЛитРес: Самиздат, 2008

Содержание

1	5
2	8
3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

1

На окраине поселка к асфальтовому шоссе, ведущему в райцентр, примыкала «грунтовка», проложенная в направлении дачных товариществ. Именно на этом «стратегически важном» перекрестке обосновался склад-магазин, осуществлявший продажу стройматериалов. Склад – это территория где-то метров сорок на тридцать, огороженная бетонным забором. На территории штабеля досок, бруса, кирпича, строительных блоков, ангары, забитые мешками с цементом, всевозможной сухой смесью, банками с краской и прочая, прочая...

Жаркий июльский полдень, самый солнцепек. К складу со стороны дач подъезжает запыленная не первой молодости иномарка. Из нее выходит пожилая интеллигентного вида женщина, в очках, шляпке, светлых кофточке, юбке и босоножках. Она держится уверенно, с достоинством. В лице и слегка расплывшейся фигуре то, что принято называть «следами былой красоты». Осторожно ступая по засыпанной гравием территории склада, бросив одновременно и подозрительный и пренебрежительный взгляд на возящихся возле штабеля обрезных досок складских рабочих, гастарбайтеров-узбеков... Посетительница прошла к небольшому одноэтажному зданию, сложенному из строительных блоков, одновременно выполняющему функции и конторы и магазина. Здесь осуществлялся и прием заказов, и торговля мелким строительным ширпотребом. Распахнув дверь, она вошла в небольшое помещение, тесно заставленное всевозможными образцами продукции, которой торговал склад. Тут же располагался прилавок, за которым сидела женщина лет сорока с густыми темно-русыми волосами, довольно приятным округлым курносым лицом, такой же округлой фигурой, которая явно не выигрывала от одетого на ней сатинового рабочего халата. При взгляде на продавщицу можно было с большой долей вероятности предположить – это типичная русская провинциалка и еще... что на диете она не сидит.

Поздоровавшись, посетительница на высоких тонах пошла, что называется, с места в карьер:

– Я два дня назад по телефону заказала у вас сто шестиметровых досок на постройку забора на моем дачном участке. Мне все доставили в тот же день, и я сразу рассчиталась. Но что выясняется сейчас, когда мои рабочие начали эти доски разбирать. Вы продали их мне как обрезные, по сто десять рублей за штуку, а на поверку вышло, что обрезных там едва ли половина наберется. Остальное горбыль!

Последнюю фразу клиентка произнесла, изобразив на своем слегка подкрашенном и припудренном лице крайнее возмущение.

– Извините пожалуйста. У нас, к сожалению, попадаетесь и такой вот материал, – робко отозвалась женщина из-за прилавка.

– Ну, знаете, это уж не мои проблемы. Я платила за обрезную доску и хочу получить именно ее и хорошего качества, а не то, что вы мне привезли! – продолжала возмущаться клиентка.

– Да, конечно, вы правы. Мы вам заменим. Вы отложите те доски... вернее, пусть ваши рабочие отложат, и сообщите нам их количество, и мы вместо них привезем другие, а эти заберем, – как можно более миролюбиво пыталась успокоить клиентку женщина из-за прилавка.

– Понятно, что замените, куда вы денетесь. Только вот мне не нравится, что меня сначала пытались обмануть, видимо решив, что женщину на досках провести не сложно. Напрасно надеялись, я свои права знаю и буду за них бороться. Мне здесь нанесли определенный моральный ущерб, и я бы хотела, чтобы мне его возместили. Потому, мне надо переговорить непосредственно с хозяином этого склада, – непоколебимо выразила свои намерения клиентка.

– Это... это я хозяйка, – с еще большей робостью в голосе, словно признаваясь в чем-то постыдном, проговорила округлая женщина из-за прилавка.

– То есть, как вы!?! – изумленно спросила клиентка... – Но как же... этого не может быть. Вот, я прочитала на печати, что проставлена на вашей квитанции, – клиентка достала из сумочки квитанцию, – Ну, да вот здесь значится «ИП Бобров Валентин Викторович».

– Это фамилия, имя и отчество моего покойного мужа, – совсем тихо проговорила хозяйка склада и опустила глаза...

В советские времена поселок, образно говоря, стоял на «трех китах»: железной дороге, совхозе и леспромхозе. Был, правда и еще четвертый «кит», неофициальный, тем не менее, ставший в постсоветское время едва ли не основным. Дело в том, что с ростом населения Москвы все меньше свободных участков оставалось в ближнем Подмоскovie, и москвичи все интенсивнее осваивали дальше. Потому и этот расположенный достаточно далеко от столицы поселок на рубеже веков стал привлекателен как для получения дачных участков, так и для приобретения «домика в деревне». А после банкротства одного из бывших «китов», совхоза, часть его земли отдали под дачные товарищества, которые за какой-то десяток лет на этих землях закрепились и разрослись.

Впрочем, в постсоветский период из прежних официальных «китов» выжила только железная дорога. Вслед за совхозом в дефолт разорился и леспромхоз. Только в отличие от совхоза, который так погряз в долгах, что все его имущество пустили с молотка и рабочим ничего не перепало... Так вот, леспромхоз «скончался» не столь плачевно и при дележе его собственности не только начальство жирные куски себе урвало, но и простым работягам кое что перепало. Так братьям Бобровым «отломилась» аж целая циркулярная пила, правда старая и списанная. Братья отремонтировали эту «старушку» и... Сначала они сами разделявали бревна на брус и доски, продавая их все множившимся дачникам. Потом, поднакопив денег, решили дело расширить, скупили у своих не столь деловых коллег еще несколько циркулярок, арендовали бывший совхозный ангар, где когда-то зимовала сельхозтехника, наняли гастарбайтеров... и заработал дереворазделочный цех. Один из братьев командовал в этом цеху, а второй... Второй, Валентин организовал склад по хранению и продаже продукции этого цеха. Место для склада выбрали очень удачно на развилке дорог в поселок и дачные товарищества, так что и оттуда и отсюда удобно подъезжать. Бухгалтерию свежее испеченной фирмы вела жена Валентина Клавдия, окончившая в свое время финансовый техникум. В начале двухтысячных годов в Подмоскovie часто возникали «торфяные пожары». Потому «горельника», леса, который падал от выгорания торфа под землей, причем сам ствол дерева часто оставался целым, годным для обработки... такого леса оказалось много, и потому был он дешев. Именно на «горельнике» братья Бобровы сильно «поднялись». Но, как не случается худа без добра, так и добра без худа, то есть вслед за счастьем, удачей, грянуло горе...

Валентину Боброву было всего сорок лет, когда он неожиданно скончался от цирроза печени. Данная болезнь, как правило, является спутником «пьющих» людей. Нет, муж Клавдии

не был запойным пьяницей. Просто по молодости, еще в советское время, он крепко выпивал за компанию, стараясь не отстать от матерых мужиков. Причем в условиях перестроечного дефицита качественного спиртного, он нередко употреблял всякое низкосортное пойло, типа самогона, технического спирта, или тройного одеколona. Для него бесследно все это не прошло. После тридцати печень Валентина стала сильно барахлить, и Клавдия Христом Богом молила мужа совсем перестать пить. И Валентин вроде бы бросил. Но когда их совместный с братом бизнес «набрал обороты», и у них появились как деньги, так и возможность широко праздновать, отмечать успехи...Здесь он удержаться не мог. Желю же Валентин успокаивал тем, что де сейчас пьет только хорошую, дорогую водку, вино и коньяк и они не нанесут организму того ущерба. Увы, подорванная печень оказалась уже не в состоянии переварить и хорошее спиртное.

Быстротечная болезнь и смерть мужа потрясла Клавдию. Ведь так бывало в последнее время часто. Валентину становилось плохо после очередного застолья. Он лежал, охал, но потом отходил, оправлялся. Но на очередной гулянке на дне рождения брата ему стало так плохо, что пришлось вызывать «скорую», и госпитализироваться... А через несколько дней его не стало. Не сразу осознала Клавдия, что теперь на ней одной заботы не только о дочери – студентке московского платного ВУЗа, и сыне старшекласнике, но и о складе. Впрочем, от склада она сначала хотела отказаться в пользу брата мужа, желая по-прежнему оставаться бухгалтером. Но тот заявил, что не сможет разорваться между лесопилкой и складом. К тому же эта часть их совместной собственности документально принадлежала Валентину, и, значит, Клавдия его унаследовала. Передавать или продавать склад в третьи руки было слишком рискованно – можно нарушить столь успешно функционирующей на основе родственных отношений бизнес. В общем, уговорил. Так Клавдия стала хозяйкой склада.

2

После того как дотошная клиентка уяснила, что женщина за прилавком является хозяйкой этого склада... С нее как-то сразу сошел весь гонор, и она стала смотреть на Клавдию с интересом и неподдельным уважением. Договорившись об обмене некондиционных досок, она теперь удовлетворилась устными извинениями и более не выдвигала никаких требований.

Клиентка вновь приехала на склад через пару дней. На этот раз она сразу успокоила Клавдию:

– Нет, нет, я не с претензиями. Доски, что вы привезли на обмен все хорошие и их уже используют. Извините, но я приехала с вами поговорить, если, конечно, вы не заняты и не против.

Клавдия удивленно воззрилась на клиентку. Сейчас перед ней стояла не готовая к скандалу посетительница, а просто пожилая и довольно усталого вида женщина. Неужели она действительно просто заехала поболтать... о чем? Клавдии болтать некогда – самый наплыв заказчиков. То были в основном такие же дачники из товариществ. Были и поселковые. Последние, как правило, местные уроженцы, ставшие городскими жителями, обитавшие в райцентре, или других городах Подмосковья, а то и в самой столице. В поселке у них, либо оставались престарелые родители, либо оставленные в наследство дома и земельные участки. Дома нуждались в ремонте, участки в огораживании. Когда были преодолены последствия дефолта 1998 года Москва и Подмосковье в общем стали жить неплохо, и деньги водились у многих. Ну, а где же на все эти ремонты и заборы взять стройматериалы? Ближе всего, да и дешевле только на «бобровском» складе. Правда, качество досок и бруса, что производилось на изношенном оборудовании в цеху, которым командовал деверь Клавдии, невысокое. Тем не менее, отбоя от покупателей не было. Если возникали претензии, Клавдия никогда не «лезла в бутылку», а вежливо обещала обменять... и обменивала.

Клиентка, хотевшая о чем-то поговорить, увидев, что хозяйке склада явно некогда, однако от своей затеи не отказалась, она сказала, что заедет попозже, а сама поехала, сначала в поселок, отовариться в продовольственном магазине, потом на свою дачу, проследить как идет постанковка забора. Вторично она подъехала к складу ближе к вечеру, когда поток покупателей-заказчиков иссяк, а рабочие грузили и развозили последние заказы:

– Еще раз извините. Я все же хочу с вами поговорить. Вы сейчас свободны?

Вообще-то Клавдия опять была занята, ибо «подбивала» отчетную документацию за день. Потом надо пересчитать, дневную выручку... Но отказать второй раз за день хотя и бывшей клиентке она постеснялась, и потому, быстро убрав накладные и пачку купюр в сейф, сказала, что не занята и готова ее выслушать.

– Не считите за дерзость, но позвольте поинтересоваться, как вам удалось организовать здесь свой бизнес. Зачем мне это нужно? Я вам это потом объясню, поверьте не из праздного любопытства. Кстати, как вас зовут? ... А я Анна Николаевна...

Каким-то непостижимым образом Анна Николаевна, вроде бы совершенно посторонний человек, сумела подвигнуть Клавдию на откровенность. Та поведала, как стала хозяйкой склада, а фактически вкратце историю всей своей жизни. Рассказ неоднократно прерывали.

Это в контору заходили либо шофер, отвезший очередной заказ, либо рабочие-узбеки, также довольно бесцеремонно заходящие по каким-то вопросам. Отношения между хозяйкой и рабочими сложились, если не панибратские, то очень демократичные, и судя по изменению выражения лица Анны Николаевны, это ей очень не понравилось, но она промолчала. В шесть вечера рабочий день кончился, и Клавдия засобиравалась домой, а Анна Николаевна все не уходила.

– Вы далеко живете? – поинтересовалась она.

– Да, идти почти на другой конец поселка. По дороге еще надо продуктов купить, а то сын, скорее всего, в магазин забыл сбежать. Целый день до него дозвониться не могу, наверное, мобильник дома оставил. Он у меня такой, если не напомнить, сам никогда не вспомнит, – Клавдия все это говорила, чтобы у гостыни не возникло желания ее задержать и продолжить разговор.

– А где ваша машина? Наверное, где-то в ангаре стоит? – задала несколько неожиданный вопрос Анна Николаевна.

– Да нет, – как-то виновато улыбнулась Клавдия, – я не на машине, я пешком.

– Как, пешком, а разве у вас нет машины? – искренне изумилась гостыня.

– Вообще-то я, конечно, могу купить, средства у меня есть. Но знаете, я боюсь за руль садиться и учиться водить совсем не хочется. Меня после работы часто наш шофер на своем грузовике подбрасывает. У мужа была, старый «Москвич», но он в таком ужасном состоянии. Все собирался внедорожник приобрести, да так и не собрался, не успел.

– Вот что, Клавдия, поскольку вы свой грузовик уже отпустили, то я вас на своей машине отвезу, и в магазин заедем. И не отказывайтесь, мне это совсем нетрудно. По дороге еще и пообщаемся. Поверьте, нам есть о чем поговорить. Вы не против?

Клавдия никак не могла уразуметь, что же этой пожилой дачницы от нее нужно. На предложение о продолжении знакомства она лишь неопределенно пожала плечами, что, впрочем, Анна Николаевна восприняла как согласие. Тем не менее, потом целую неделю странная клиентка на склад больше не навещала, и Клавдия стала про нее забывать, когда она вновь появилась и опять ближе к вечеру. Едва поздоровавшись, Анна Николаевна тут же и объяснила причину своего недельного отсутствия, хоть ее о том и не спрашивали:

– Насилу забор свой закончила. За этими рабочими нужен глаз да глаз. На что уж я, человек опытный, знакома с их ментальностью и знаю, как с этими бабаями общаться и то за всем уследить не успевала. То доски норовят сэкономить и на сторону сплавить, то цемент, то еще что. Кстати, а ваши узбеки как работают, не воруют?

– Да, как-то не замечала. Может, и приворовывают. Знаете, у нас тут и объемы большие и возврата, как с вами, много идет. Один раз заметила, как они этот возврат втихаря через забор кидали. Наверное, потом они его кому-то по дешевке продали, – неожиданно для самой себя откровенно поведала Клавдия.

– И вы, что, это им спустили?

– Да, нет, вызвала бригадира, предупредила, чтобы такого больше не было. Вроде, больше не замечала, – не очень уверенно констатировала Клавдия.

– Просто они стали более осторожны. Я даже уверена, что они продолжают это делать. В нашем дачном товариществе есть такие деятели, которые ворованные доски покупают. Хотите, я вам укажу точный адрес, где целый штабель, по всей видимости, ваших досок. Причем хозяин у вас никогда ничего не покупал. Сто процентов, это дело рук ваших рабочих, – ничуть не сомневалась Анна Николаевна.

– Знаете, я это знаю, но сделать ничего не могу. Ну, что могу я, женщина, я ведь их даже побаиваюсь. Они же... ну они не такие как мы, мало ли что у них на уме, зарежут еще, – совсем понизив голос, призналась Клавдия.

– Вы не поверите, но я примерно так и думала. Вы ведь раньше никогда не сталкивались с азиатами, потому и опасаетесь их, подсознательно, инстинктивно. Вы бы их с удовольствием уволили, но местные за такую зарплату работать не станут, а нанимать других гастарбайтеров вы тоже опасаетесь, вдруг еще хуже окажутся. Потому терпите этих... Верно? – Анна Николаевна пытливо вглядывалась Клавдии в глаза.

В тот вечер Анне Николаевне и Клавдии не удалось долго поговорить. Однако случилось то, чего Клавдия никак не ожидала – ей вдруг стало очень интересно общаться с этой собеседницей. Та буквально угадывала ее умонастроение, ее мучения с этим складом. Более того, Клавдия осознала, что Анна Николаевна искренне сочувствует ей и даже хочет помочь... Они стали встречаться регулярно, и в один из вечеров Анна Николаевна поведала, откуда у нее опыт общения с выходцами из Средней Азии:

– Я жена офицера, мой муж полковник в отставке. Он в течении четырех лет командовал полком в одном из городов Ферганской долины. До того мы служили в основном в России, а после выпуска из Академии мужа направили туда, в ТуркВО, Туркестанский военный округ. Там я воочию убедилась насколько тамошняя действительность отличается от российской. И дело не в природе и климате, хотя конечно летом там невероятно жарко, дело в людях. Действительно, там живут совсем не такие люди как мы. Сначала я их тоже побаивалась, но потом привыкла и поняла, что если их не бояться, они сами начнут бояться вас. Народ там, в основном, забитый. За время советской власти в этом плане мало что изменилось. Только вместо баев, ханов, эмиров стали секретари обкомов, райкомов, председатели колхозов. Но к рядовым людям эти новоявленные баи относились, так же, как и прежние – как к скоту. Особое отношение у них и к женщинам. Своих они вообще за людей не считали и очень не любят, когда русские бабы там вели себя так же как привыкли в России. Например, их бесили открытые платья, или когда женщина в общественном месте громко разговаривает, смеется. И когда мы из военного городка выходили в город политработники нас инструктировали, чтобы вели себя как можно тише и скромнее. Ну, уж зато на территории городка мы, как сейчас говорит молодежь, отрывались по полной и плевать хотели, что среди прапорщиков и гражданских служащих полно местных. Одевались как хотели, в платья с открытой грудью и короткие юбки, говорили как хотели и смеялись нарочно громко. Там у нас на территории части имелся открытый бассейн. Летом без него было просто невозможно жить – жара до сорока градусов и больше. Возле этого бассейна собирались семьи офицеров. Женщины все в купальниках человек с полсотни, и в основном молодые от 20-ти до 35-ти. Мне тогда было чуть за тридцать. Так вот, мы купаемся, загораем, болтаем, ржем, а за нами изо всех углов подсматривают, в основном узбечня. Они там просто с ума сходили, с оттопыренными штанами, глаза на почти голых русских баб, все, начиная от перелезших забор подростков до сорокалетних прапоров. У нас там, в части почти все прапора и вся гражданская обслуга из местных была. И солдаты тоже любили подсматривать, в основном азиаты и кавказцы. Поверите, со службы под любым пред-

логом срывались, рисковали взыскание получить, и все ради того, чтобы на загорающих русских баб поглазеть. И в городе, даже если в скромном платье идешь, они почти все на тебя как коты на масло смотрят. Но мы их будто не замечали, игнорировали, как говорится, в упор не видели. Хоть и опасались, но мы там себя выше их чувствовали, белыми женщинами, и они для нас мусором, чернью были. И они это молча принимали. На территории части, если я, например, иду хоть в чем, хоть в сарафане, хоть в брюках ни один местный, ни молодой, ни старый мне не то, что замечания сделать, дорогу не уступить не смел. Военный городок это была русская территория, и мы там чувствовали себя хозяйками.

И вот сейчас, уже в России, что я вижу. Я иногда просто ужасаюсь от того, что творится. Мы здесь у себя дома и должны быть хозяевами. А они гастарбайтеры, приехавшие к нам, чтобы не умереть с голоду. Понимаете, к чему я клоню? Не вы их, они вас должны бояться, бояться, что оставите их и их семьи без куска хлеба. Поверьте, азиаты это не кавказцы, они очень боязливы. К тому же вы местная и вы их работодатель. А они к вам в контору, как к себе домой заходят. Как они к вам обращаются?

И вновь Клавдия, покраснев от смущения, призналась:

– По имени... Клава.

– Какая вы для них Клава. Как ваше отчество? ... Значит для них вы Клавдия Михайловна, а еще лучше просто хозяйка. Если так себя поставите, у вас и воровство прекратится, и работать будут лучше. Они местом дорожить будут. А бояться их не надо, они совсем не страшные. Это кавказцы страшные. С ними лучше вообще дел не иметь. А эти, хоть узбеки, хоть киргизы, хоть таджики... Их легко можно в бараний рог согнуть.

3

Клавдии были в диковинку эти «просветительские» беседы. Проведшая всю свою жизнь в этом поселке, знавшую только свой дом и сберкассу, где она работала до фирмы... Клавдия даже тогда, когда на них с мужем свалилось относительное богатство, не могла толком осознать свой изменившийся социальный статус – она просто не привыкла быть богатой, значимой. И сейчас, имея немалый по провинциальным меркам доход, она вкладывала деньги не в себя, а в детей, что оставалось, располовинив на рубли и валюту, держала в сбербанке. Беседуя же с Анной Николаевной, она, вдруг, осознала, что жизнь вообще это не только то, весьма неприглядное существование, которое знала она, когда все вокруг живут примерно одинаково скучно, а многие так и бедно. Она искренне считала, что из женщин только всякие там «звезды», артистки и им подобные купаются в славе и удовольствиях. От Анны Николаевны она узнала, что удовольствия могут позволить себе не только звезды эстрады и кинематографа. Во все времена и обычные женщины могли «скрасить» себе жизнь. К этому, исподволь, все время подводила ее новая знакомая. Где-то на пятой беседе Анна Николаевна вдруг призналась:

– Эх, старая я. Если бы мне сейчас было столько же лет, сколько вам, я бы тоже какой-нибудь бизнес организовала. Так же вот, черных бы наняла и делала бы с ними что хотела. Клава, ведь женский перечень удовольствий намного короче мужских. У них кроме работы могут быть и охота и рыбалка, и спортивное боление и вообще черти что. Например, один наш с мужем общий знакомый на досуге клеит макеты парусников и получает от этого процесса массу удовольствия и положительных эмоций. Другие коллекционеры, третьи автомобилисты, четвертые радиолюбители. А нам-то что остается: семья, кухня, ну сейчас можно еще стать, так называемой бизнесвумен. Быть же актрисой, певицей – это для немногих. А основной массе женщин что нужно? Конечно, одно, нужна любовь, вот наш основной, на все времена интерес, увлечение, источник удовольствий и эмоций, всяких, как положительных, так и отрицательных. Это доступно всем женщинам, но вот имеют эту самую любовь, совсем немногие. Большинство баб вообще в этом плане не живут, а мучаются. Нас советских так воспитали, как дальтоники, в черно-белом восприятии мира, либо ты примерная жена и мать, либо гулящая проститутка. Чувь, мир он не чернобелый, а цветной. До октябрьской революции многие знатные дамы имели любовников, и в то же время считались отличными женами и матерями. Лев Толстой в образе Анны Карениной совсем нетипичный пример привел. Сам-то он по молодости еще тот ходок был, а как на баб перестало тянуть, так святым заделался – лицемер. А при советской власти только такие как Галина Брежнева могли жить, как хотели, мужей, любовников как перчатки меняла. Но таких были единицы, а большинство, вон как бабка моя, торф лопатой месила. Внутри семьи женщине очень трудно стать подлинно счастливой. За редким исключением супруги уже после нескольких лет совместной жизни не испытывают друг к другу никаких чувств, тем не менее продолжают жить вместе, мучить друг друга. Я чего хочу сказать, Клава, это ваше горе, то, что вы потеряли мужа... Только вы поймите меня правильно и не обижайтесь, это обстоятельство как медаль имеет две стороны. И то, что у вас имеется вот этот склад, это предоставляет вам такие возможности. Вы понимаете, о чем я?

Подготовленная всеми предыдущими беседами, Клавдия очень даже поняла Анну Николаевну и... испугалась, даже запаниковала:

– Нет... нет... я не могу... я не готова... у меня дети... мне уже сорок... потом я так выгляжу.

– Детям сколько лет? – тут же спросила Анна Николаевна.

– Девятнадцать и пятнадцать.

– Они уже взрослые и, поверьте моему опыту, через несколько лет вы им будете совсем не нужны, разве что для получения материальной помощи. Во всяком случае, на вашу личную жизнь им уже сейчас наплевать, а позже и подавно будет. А что касается возраста, в том то все и дело, у вас осталось всего несколько лет. У меня их уже нет, а у вас еще есть. Я желаю вам успеть насладиться настоящим женским счастьем. А насчет внешности... У вас отличная внешность. Вам кто-нибудь говорил, что вы напоминаете артистку Наталью Гундареву, до того как она начала принудительно худеть, чем и довела себя до преждевременной смерти. А ведь ту Гундареву в возрасте тридцати-сорока лет многие мужчины считали настоящей красавицей. А у азиатов этот тип русских женщин всегда был в цене, они всегда с ума сходили при виде белотелых, полнотелых, округлых. Я-то уж знаю. Лет пятнадцать назад я тоже выглядела примерно как вы сейчас. Так вот когда я шла в обтягивающих брюках и блузке, я видела, как узбеки-прапорщики провожали меня взглядами, упертыми в мою задницу. Как-то при этом один другому что-то говорил. Я примерно запомнила слова, но по русско-узбекскому разговорнику перевести их не смогла. Тогда я спросила у местных русских женщин, понимающих по-узбекски, и они мне пояснили, что те прапора говорили примерно так: Ох какая женщина, ох какой курдюк, ох какие сиськи, ох какие ляжки. Почему у русских женщин все это есть, а у наших почти не бывает? Конечно, это все бескультурье, но мне почему-то стало не только неудобно от такого перевода, но и в некотором роде приятно. Они хоть говорят прямо, что им нравится. А наши мужики... надоело их лицемерие, вместо того чтобы прямо сказать врут про глаза, да про душу, а сами так же в первую очередь смотрят на грудь, ляжки и задницу...

Клавдия внимательно слушала и с последним выводом, в общем, согласилась про себя, а вот насчет своего сходства с Гундаревой...

– Вы это серьезно, что я на Гундареву похожа? Знаете, это моя любимая актриса с детства. Я чуть не зарыдала, когда узнала, что она умерла. Но нет, не может быть, что я на нее похожа. Она же такая... особенно в «Сладкой женщине», или там где она с Константином Райкиным играет, как тот фильм называется?

– Труфальдино из Бергамо, – подсказала Анна Николаевна.

– Да-да, но там же она просто красавица, а я...

– И вы тоже. Только вам одеваться надо иначе, не скрывать формы под этим ужасным халатом. Если стесняетесь одевать прилегающие вещи, попробуйте полуприлегающие, а этот уродующий вас халат снимите. Такой только семидесятилетней бабке впору. Потом, вам надо сделать прическу, руки в порядок привести. И еще, не бойтесь обнажать плечи, верх груди, можно даже пупок, ведь это сейчас так модно. Но конечно все это не для этих, – Анна Николаевна кивнула на мелькавших за окном конторы рабочих. Гоните их, наймите моложе и симпатичней. Ну, а если даже оставлять этих, то сначала их надо поставить на место. Но все равно двух-трех надо уволить, Вы же здесь хозяйка, вы вольны делать все что хотите, в том числе и выбирать тех рабочих, которые вам нравятся... и не только для работы, – с многозначительной улыбкой добавила Анна Николаевна.

– Но как же, нет, слухи пойдут, потом от стыда сгорю, да и перед детьми... – неуверенно возразила Клавдия.

– Вы боитесь огласки? Не бойтесь. Узбеки не только забитый, но и молчаливый народ. И если вы поставите себя с ними настоящей хозяйкой, они будут немые как рыбы, чтобы вы тут не делали. Уж я-то их знаю. Поймите Клава, у вас еще есть время, но его не так уж много, ближе к пятидесяти, когда ваши дети будут совсем взрослыми и упорхнут от вас, тогда будет уже поздно. Вот мне сейчас пятьдесят четыре и я чувствую себя совершенно никому ненужной, хоть и была все время образцовой женой и матерью, никогда не изменяла мужу, а сейчас как у разбитого корыта. А вам и изменять никому не нужно, вы ведь совершенно свободны. У вас уникальная ситуация, не упускайте свой шанс. Поверьте, он мало кому выпадает в вашем возрасте...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.